

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-1-17-25

УДК 94 (47)

Содержание статьи

Информация о статье

Д.Ш. Муфтахутдинова¹

Введение
Обсуждение
Выводы

Поступила в редакцию: 21.02.2023
Передана на рецензию: 28.02.2023
Получена рецензия: 17.03.2023
Принята в номер: 24.03.2023

Мусульманский вопрос в Степном крае в освящении газет «Казак» и «Колокол» (1913–1914 гг.)

[Казанский государственный институт культуры; dilaratatar@mail.ru](mailto:dilaratatar@mail.ru)

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена интересом к конфессиональной политике Российского государства на восточных окраинах империи. В статье раскрывается позиция либеральной татарской и казахской интеллигенции при отстаивании этноконфессиональных интересов накануне Первой мировой войны. Теоретико-методологической основой статьи стали концептуальные положения в области изучения проблем государственно-конфессиональных отношений на азиатских окраинах Российской империи. Ведущим методом при исследовании данной проблемы стал историко-системный метод, позволяющий рассмотреть хронологические и системные связи с этническими, конфессиональными, политическими вызовами, перед которыми стояли тюркские народы в начале XX века. Исследование позволило выявить способы решения этноконфессиональных проблем татар и казахов, предлагаемых, с одной стороны, русским державным чиновничеством, с другой – мусульманской интеллигенцией тюрко-мусульманских народов во время подготовки и работы IV Мусульманского съезда, проходившего с 15 по 25 июля 1914 года в Петербурге.

Ключевые слова: татары, казахи, конфессиональная политика, муфтият, периодическая печать.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-1-17-25

UDC 94 (47)

Content of the article

Information about the article

D.Sh. Muftakhutdinova²

Introduction.
Discussion.
Conclusions.

Received: 21.02.2023
Submitted for review: 28.02.2023
Review received: 17.03.2023
Accepted for publication: 24.03.2023

¹ [Дилара Шамилевна Муфтахутдинова](#) – доцент Казанского государственного института культуры, кандидат исторических наук.

² [Dilyara Shamilevna Muftakhutdinova](#) – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Kazan State Institute of Culture.

The Muslim Issue in the Steppe Region as Presented by *the Kazak and the Kolokol* Newspapers (1913–1914)

Kazan State Institute of Culture; dilaratatar@mail.ru

The relevance of the issue under study is due to the interest in the problem of the confessional policy of the Russian state in the eastern outskirts of the empire. The article is aimed at revealing the positions of the liberal Tatar and Kazakh intelligentsia in defending ethno-confessional interests on the eve of the First World War. The theoretical and methodological basis of the article were the conceptual provisions of academic research in the field of state-confessional relations in the Asian outskirts of the Russian Empire. The author applied the historical-systemic method that allows to consider the problem under study in chronological and systemic relationships with ethnic, confessional and political challenges faced by the Turkic peoples in the early twentieth century. The study made it possible to identify ways to solve the ethno-confessional problems of the Tatars and the Kazakhs proposed by the Russian state officials, as well as by the Muslim intelligentsia of the Turkic-Muslim peoples during the preparation and work of the 4th Muslim Congress held from July 15 to July 25, 1914 in St. Petersburg.

Keywords: *Tatars, Kazakhs, confessional policy, muftiat, periodicals.*

Введение

Осмысление государственно-конфессиональной политики Российской империи в период буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. и до начала Первой мировой войны по отношению к народам, исповедующим ислам, требует анализа источников и литературы по всем народам, исповедующим ислам в нашей стране. Власть проводила очень дифференцированную политику по отношению к разным мусульманским народам и сословиям внутри этносов. Специфика темы еще и в том, что мусульманское население нашей страны было на разных этапах социально-экономического развития и имело неодинаковый образовательный и модернизационный потенциал и уровень интегрированности в имперское пространство. Власть это хорошо понимала и использовала различные приемы и методы в колониальных и модернизационных целях.

Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. предоставил населению «незыблемые основы гражданской свободы», включая положение о свободе совести. Он всколыхнул мусульманское население на окраинах империи. После объявления указа от 18 февраля 1905 г., в котором нерусским народам разрешалось подавать петиции, началось широкое петиционное движение мусульманских народов, которое нашло отражение в местной периодической печати.

Обсуждение

Периодическим изданием, способствовавшим росту национального самосознания казахов в начале XX в., была газета «Казак», выходящая с 1913 по 1918 год тиражом в 3 тыс. экз. В 1914 г. ее тираж доходил до 8 тыс. экз., в 1917 – до 18 тыс. Всего было выпущено 265 номеров. Газета находилась под пристальным вниманием русской администрации края, а важные статьи переводились на русский язык. Главным редактором был видный казахский общественный деятель Ахмед Байтурсунов.

Насущные вопросы этноконфессиональных отношений казахов с Российским государством накануне Первой мировой войны отразились в деле «О мусульманском движении в Оренбургской губернии» [1] канцелярии Оренбургского генерал-губернатора,

в котором содержится перевод на русский язык нескольких статей из рассматриваемой газеты.

К началу XX века в Степном крае встал вопрос об учреждении отдельного муфтията. Согласно «Временному положению об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» от 21 октября 1868 г. [2, л. 369] казахи больше не подчинялись Оренбургскому муфтияту, но татарское и башкирское население в Степном крае оставалось под его юрисдикцией.

В газете «Казак» от 16 марта 1913 г. № 3 в статье «Относительно муфтия» поднимался данный вопрос. Он актуализировался в связи с готовящимся Особым совещанием при Министерстве внутренних дел «для обсуждения вопросов касающихся мусульман» [3, л. 371]. В ней отмечалось, что вопрос об открытии муфтията обсуждался многократно: в 1905 г. в ходе петиционной кампании, в 1906 г. при избрании депутатов в Государственную Думу; в ходе частных совещаний в 1907 г. с генерал-губернатором И.П. Надаровым. На этих совещаниях поднимался вопрос о том, нужен ли казахам отдельный муфтият или лучше присоединить их к Оренбургскому муфтияту. В большинстве прошений выражалось желание присоединиться к существующему муфтияту, но в ходе совещаний с генерал-губернатором казахи высказались за отдельный муфтият.

Анонимный автор задается вопросом: кто даст деньги на учреждение и содержание муфтията, замечая, что на паломничество киргизы ежегодно тратят сотни тысяч рублей, а собрать на муфтият 200 тыс., возможно, и нельзя будет. Понимая, что у казахов нет городской буржуазии, способной содержать данное учреждение, автор подводит читателя к мысли, что ввиду этих мотивов лучше присоединиться к существующему муфтияту. В противном случае он предлагает немедленно начинать собирать деньги. Далее автор подчеркивает, что объединения с татарами и башкирами в единый муфтият бояться не нужно: «Объединение в духовных делах – это есть внутреннее объединение, а единение по крови и религии – это есть внутреннее единение. Раз внутреннее объединение не мешает, то и внутреннее единение мешать не будет, и этого бояться нечего» [3, л. 378].

Дискуссия по данным вопросам отразилась в статье от 21 апреля 1913 г. № 11, «Нужда киргизов» [3, л. 369–371]. Наибольшее количество петиций Оренбургская администрация получила от казахов Семипалатинской и Актюбинской областей. Учитывая эти прошения, генерал-губернатор И.П. Надаров 20 мая 1907 г. собрал совещание с представителями по 2 человека от каждого уезда. От казахов было 12 депутатов, от русских – 20. На совещании были сформированы 4 комиссии: по духовным делам, по народному образованию, юридическим делам, по хозяйству и быту киргизов.

Комиссию по духовным делам возглавил управляющий канцелярией генерал-губернатора Дьяченко. Совещание было открыто речью генерал-губернатора И.П. Надарова, в которой он предупредил делегатов, что постановления этого совещания не будут решающими, но будут учитываться при принятии законов. Интересно, что требования казахов от правительства не выходили за рамки тех прав и институций, которыми уже обладали татары. Страх перед глубокой исламизацией казахского населения и аккультурации со стороны татар привел к целенаправленной политике сдерживания ислама.

Казахи Степного генерал-губернаторства в 1913 г. высказались за учреждение отдельного муфтията, заметив при этом, что туркестанские казахи тоже выдвигают требование об учреждении отдельного муфтията, поэтому они считали, что муфтият нужно делать общим. Однако когда этот вопрос обсуждался на общем совещании, то русская

делегация высказалась категорически против данного намерения, мотивируя тем, что если у всех казахов будет один муфтият, то ислам усилится, что будет противоречить стремлениям правительства. Тогда казахские делегаты перевели вопрос только на свой край и заявили, что если разрешат учредить казахский муфтият в пределах губернии, то они согласны взять расходы на его содержание. На общем совещании была указана сумма на содержание муфтията и постройку здания – приблизительно 150 тыс. руб. Казахам было высказано требование, что муллы и другие духовные лица должны назначаться из лиц, знающих русский язык, а казахи со своей стороны хотели, чтобы это было необязательным для них. Однако русские чиновники настаивали, что знание государственного языка необходимо, т. к. вся переписка в учреждениях ведется на русском языке, и если казахское духовенство не будет знать русского языка, то оно может попасть под влияние разных переводчиков, намекая, видимо, на татар. Казахи с этими аргументами согласились, но стали оговаривать сроки для изучения русского языка. В итоге пришли к соглашению, что для этого им хватит 8 лет. По истечении этого времени духовное лицо должно было сдать экзамен при областном правлении. На совещании было оговорено, что среди казахского духовенства очень мало лиц, знающих русский язык, поэтому, за исключением муфтия и казыев (судей), остальное духовенство может на первых порах назначаться из лиц, не владеющих русским языком.

Относительно выбора духовных лиц казахи рекомендовали ту же вертикальную иерархию, что была у татар: мухтасибат, мутавалиат, муфтият. Каждый аульный мулла должен избираться аульным обществом из лиц, достаточно знающих свое вероучение и пользующихся уважением населения, а также не младше 25 лет. Мулла должен был избираться на 5 лет. Аульные муллы избирали из своей среды волостного муллу на 5 лет, он не должен быть младше 30 лет. Волостные муллы на 5 лет избирали из своей среды уездного ахуна возрастом не менее 40 лет, выдержавшего испытание на звание у муфтия. Все эти лица с одобрения муфтия утверждались в должности областным правлением. Степной муфтий являлся духовным главой всего мусульманского степного населения. Он избирался ахунами и утверждался высочайшей властью по представлению МВД. Лицо, избираемое муфтием, должно было хорошо знать шариат. При муфтияте должен был быть образован особый совет при участии от каждой области по 1 кадию. Этим кадиев на 5 лет избирали ахуны. Их утверждал министр МВД по указанию муфтия, председателем совета должен был быть сам муфтий. Выборы казыев и муфтия должны были происходить в том же порядке, который практикуется в Оренбургском муфтияте.

Данные прошения не противоречили Российскому законодательству, в частности Указу от 14 февраля 1855 г., где были определены общие возрастные цензы для занятия мусульманских духовных должностей в империи. Казахи просили тех же льгот, которые имели мусульманские духовные лица из числа татар: чтобы муллы не отбывали воинской повинности, были избавлены от косвенных налогов и податей, получали вознаграждение при приведении лиц к присяге. Власти считали, что казахское духовенство назначается из лиц того же происхождения, что и простой народ, поэтому от повинностей они не освобождаются, т. к. казахи и без того не отбывают воинской повинности. Это касается и мусульманских духовных лиц, следовательно, вопрос нужно считать исчерпанным.

Одним из самых злободневных для казахов был вопрос о разрешении строительства мечетей. Казахи на этом совещании требовали, чтобы возведение мечетей разрешалось явочным порядком. Однако и комиссия, и общее собрание посчитали такое требование незаконным. Единственно чего добились казахи в ходе этого совещания, это передачи метрических книг из рук аульных старшин в ведение волостных мулл, как это было до 1902 года. Представители мусульман выразили протест против деятельности православных миссионеров, которые восхваляли православие и ругали ислам, а также склоняли киргизов

к обращению в христианство, обещая разные материальные выгоды. Разумеется, и это требование было отклонено, т. к. в Российской империи господствующей религией было православие, а удовлетворение просьбы мусульман послужило бы поводом к сокращению ее господства.

На совещании было подтверждено право крещеных казахов вернуться в лоно ислама на основании манифеста от 17 апреля 1905 г. Мусульмане высказались об ограничении права перехода в православие казахов решением общины, «так как большая часть киргизов, принявшая православие, является должниками общества», а мотивом к крещению чаще всего служит именно освобождение от долгов. Однако православная часть собрания сделала заключение, что это «есть притеснение православных и преграждение пути к православию» [3, л. 371]. Казахи на совещании просили, чтобы правительство разрешило учреждать вакфы, но православная часть собрания с этим требованием не согласилась, т. к. они были запрещены Степным положением 1868 г. Также была отклонена просьба казахов о том, чтобы брачные и наследственные дела разрешались шариатским судом, а не судом старшин и биев.

Несмотря на провозглашение в ходе революции закона о веротерпимости и свободы совести, реальная картина в вопросах вероисповедания мусульман российских окраин была удручающей. Но власть вынуждена была демонстрировать видимость демократических преобразований и поддержку связей с казахской общественностью. Казахская мусульманская общественность могла четко выражать свои этноконфессиональные интересы, но удовлетворять их власть не собиралась. Что касается газеты «Казак», то редакция пыталась беспристрастно излагать расстановку сил и без особых комментариев показывать реальную ситуацию. Газета, выпускаемая лидерами казахской интеллигенции А. Байтурсуновым, А. Букейхановым и Р. Марсековым, отражала этноконфессиональные интересы казахского народа, не чуралась сотрудничества с татарами в вопросах религии, способствовала национальной консолидации казахов. Она была рупором национальных интересов казахского народа.

Для изучения мусульманских проектов реформ в области государственно-конфессиональных отношений начала XX века большой интерес представляет татарская периодическая печать того времени, прежде всего газеты «Миллят» и «Юлдуз». Татарская общественность была заинтересована в данных реформах, и потому в них были представлены материалы дискуссионного характера. Однако ни казахстанские, ни российские исследователи данного вопроса не обратили внимания на газеты монархического характера, в частности на газету «Колокол», издававшуюся ежедневно в Санкт-Петербурге, в которой также обсуждался мусульманский вопрос.

Проблемой освещения работы мусульманских съездов в начале XX века занимались в основном татарстанские историки постсоветского времени, а также московский историк Д.Ю. Арапов [5]. О IV Всероссийском мусульманском съезде упоминается в работах И.Р. Тагирова [6], А.Ю. Хабутдинова [7], Д.М. Усмановой [8]. Во всех перечисленных работах казанских историков события съезда подаются сквозь призму интересов татарского народа. Как правило, внимание акцентируется лишь на выступлениях С. Максуди и выработке проекта «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи».

Автор анонимной статьи под названием «Мусульманский съезд» сообщает, что 18 июня 1914 г. заседание открылось докладом генерал-майора С.Г. Еникеева о положении мусульман Туркестанского края. То, что о положении мусульман в Туркестанском крае докладывал Г. Еникеев, не случайность. Он был депутатом IV Государственной Думы,

избранным от Оренбургской области. В IV Думе депутаты от казахского народа не были представлены, поэтому интересы казахов защищали представители близкородственных народов – башкиры и татары. Главной темой его выступлений в Думе была правительственная политика в области образования нерусских народов. Он отстаивал интересы тюрков, выступая за начальное образование на родном языке. На IV Мусульманском съезде Г. Еникеев выступил с проектом реформы мусульманского прихода (махалли). Интересно, что автор заметки акцентирует внимание не на новые предложения депутата об устройстве мусульманской махалли, а на критику Г. Еникеевым принципа проводимой правительством политики игнорирования ислама. Он замечает: «До завоевания их русскими религиозные и нравственные устои в жизни мусульман блюли имамы, кази, шейх-уль-исламы. После завоевания оставлены только казии, всецело подчиненные правительству. Это, по мнению докладчика, привело «мирных сартов, оставленных без руководящего начала, к нравственному банкротству, пьянству и разврату» [9, л. 5]. Далее автор обращает внимание на критику со стороны Г. Еникеева социально-экономической политики властей в Туркестане, в частности переселенческой политики. Он вслед за докладчиком констатирует, что ухудшилось экономическое положение нерусских народов и «сильно потерпели так называемые вакфы»³.

Царское правительство, с одной стороны, не считало возможным полностью ликвидировать вакуфное право по причине его глубокого укоренения в жизнь мусульман, с другой – осложнило процедуру регистрации настолько, чтобы мусульмане не могли и не желали его учреждать. В 1874 г. дела о вакуфном имуществе были изъяты из ведения мусульманского духовенства и переданы в ведение Министерства государственных имуществ [10, с. 10]. 13 августа 1898 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий принял решение о передаче подаренного имущества башкирским, татарским и казахским школам в ведение Министерства народного просвещения. Директор Департамента К. Мосолов обосновывал это постановление законом от 20 ноября 1874 г., согласно которому мусульманские школы полностью переходили под юрисдикцию указанного министерства [11, с. 328]. То, что право распоряжаться конфессиональными финансовыми фондами мусульман передали русским чиновникам, привело к растрате и нецелевому использованию финансов. На эти деньги учреждали русско-татарские классы в медресе или русско-татарские школы, расположенные рядом с медресе.

Далее в статье акцентируется внимание на выступлении Б.Б. Каратаева – депутата Государственной Думы 2-го созыва от Уральской области, который принимал активное участие в мусульманских съездах. Каратаев отмечал, что казахи ранее находились в ведении Оренбургского духовного правления, но в 60-х гг. правительство изъяло их из ведения Оренбургского муфтията, в надежде, что они перейдут в православие. Однако казахи вместо одной мечети, установленной правительством для целой волости, выстраивали их десятками конспиративным образом. «Вместо одного медресе открывали их до ста» [9, л. 5]. Правительство пыталось бороться с такими незаконными, по его мнению, школами, их закрывали, облагали штрафами, преследовали духовенство, но их число только увеличивалось. К 1910 году количество мечетей в Тургайской области достигло 111, а молитвенных домов – 247. При каждой мечети была школа. В одном только Кустанайском уезде насчитывалось 53 мечети и 31 молитвенный дом [12, л. 3 об.]. В аулах, географически удаленных от центров волостей обязанности мулл исполняли домашние

---

³ Вакф (вакуф) – в [мусульманском праве](#) имущество, переданное отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход). В дореволюционной России образовательная система мусульман содержалась на доходах от вакуфов.

учителя. Это были так называемые «частные» муллы, число которых было тоже значительно. В Кустанайском уезде было 263 «частных муллы» и 12 официальных [13, с. 26]. Муллами в степных областях были, как правило, казахи, а в городах – татары.

Автор анонимной статьи заключает, что контролируемый ислам через муфтияты гораздо лучше, чем стихийный, конспиративный. Далее в статье говорится, что 18 июня получена телеграмма от казахов Семипалатинской области. Приветствуя открытие мусульманского съезда, казахская интеллигенция выступала против переселенческой политики в крае. Она не желала, чтобы казахи жили в одних поселениях с русскими, сетовала на отсутствие своего муфтията, требовала представительства от казахов в Государственной Думе. В телеграмме говорилось: «От имени киргизского населения Степного края мы выражаем искреннее пожелание съезду, дабы работы его оказались плодотворными и принесли пользу всему российскому мусульманству. Признавая муфтият для киргизского народа насущной необходимостью, мы не можем не обратить внимание съезда на постановление Св. Синода от 5–26 апреля 1912 г. Постановление это ставит целью обращение киргизов в православие путем принуждения к совместному поселению с русскими. Не говоря о том, что такое постановление посягает на свободу совести, возведенную с высоты престола для всех граждан России, оно представляет настолько серьёзную опасность, что грозит самому существованию киргизского народа. Вымирание тогда неизбежно. В заключение считаем долгом напомнить, что никакое законодательство без участия представителей от инородцев в законодательном учреждении не будет соответствовать их интересам, в силу чего наше горячее желание – видеть восстановленным право представительства в Гос. Думе от инородцев» [9, л. 5].

Политика державного чиновничества была отнюдь не в пользу мусульманских народов. В этом же фонде ЦГА РК есть документ «О преобразовании мусульманских школ в Степном крае», где генерал-губернатор Н.Н. Сухотин резко пресекает желание мусульманских интеллигентов открывать свои мактабы и медресе [14]. Сухотин Н.Н. пишет: «...преуспение наших школ состоит в прямой зависимости от того, какой исход получают притязания исламитов на создание в Степи иерархии мусульманского духовенства и увеличение числа мечетей. Если эти домогательства не осуществляются, то для русско-киргизских школ недалек полный расцвет, а в противном случае их сотрут с лица земли просветительная деятельность мулл и неизбежные придатки мечетей – школы, мектебы, медресы». При таких обстоятельствах, считал генерал-губернатор, спасительным средством для правительства является не регламентация официальных учреждений мусульман, а скорее игнорирование их правительством. Он замечает: «...не придавая местному мусульманскому духовенству никакого официального значения и не признавая за ним никаких особых прав и обязанностей, правительство достигнет того, что лишенный попечительства со стороны государства ислам постепенно будет терять свою силу в жизни киргиз» [14, л. 42].

Выводы

Конфессиональная политика Российской империи по отношению к мусульманским народам не была задана раз и навсегда одним вектором. Она всегда носила имперскую направленность, имела прагматический характер и проводилась по отношению к различным народам по-разному. Главной её задачей к началу XX века была гомогенизация имперского пространства при помощи русско-инородческих школ. Татарская и казахская интеллигенция к началу XX века четко выражала свои религиозные и политические

интересы, требовала реформ в этой области в пользу конфессионального образования на родном языке. Казахская общественность осознавала, что для сохранения своей этноконфессиональной идентичности необходимо учреждение собственного муфтията, который институционально мог бы регулировать проблемы казахского народа внутри своего сообщества. Во многом требования казахской интеллигенции опирались на права, которые уже имел татарский народ.

Газета «Казак» отстаивала перспективы самостоятельного развития казахского народа при развитии в будущем современной системы образования и городской культуры. Редакция вычерчивала основные этномаркирующие особенности казахской культуры, заключавшиеся в кочевом образе жизни, особом социокультурном порядке, исламе и языке. Газета заложила основу либерально-демократическому движению казахского народа. Промонархическая газета «Колокол» беспристрастно излагала настроения казахского народа накануне Первой мировой войны и освещала вопросы, обсуждаемые на IV Мусульманском съезде и касающиеся мусульман Степного края.

Литература

1. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГА ОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 618. Л. 409.
2. Исторический архив Омской области (ИАОО) Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 57–59.
3. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 618. Л. 376–378.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 2674. Л. 5.
5. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи в 1905–1917 годах. – Режим доступа: <https://mynamaz.ru/> (дата обращения: 12.01.2023).
6. *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2008. – 454 с.
7. *Хабутдинов А.Ю.* Органы национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. – Вологда, 2001. – 61 с.
8. *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань: Татарское книжное издательство, 2006. – 494 с.
9. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2674. Л. 5.
10. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1902. – 53 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е изд. – СПб., 1830–1885. Т. XLIX. Отд. 2. Ст. 54061.
12. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 736. Л. 3 об.
13. *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. – С. 20–36.
14. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3475. Л. 42.

References

1. Ob"edinennyj Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (OGA OO) F. 6. Op. 10. D. 618. L. 409.
2. Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO). F. 3. Op. 9. D. 15406. L. 57–59.
3. OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 618. L. 376–378.
4. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv respubliky Kazahstan (CGA RK). F. 64. Op. 1. D. 2674. L. 5.

5. Arapov D.Yu. Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii v 1905–1917 godah.
6. Tagirov I.R. Istorija nacional'noj gosudarstvennosti tatarskogo naroda i Tatarstana. – Kazan', 2008. – 454 s.
7. Habutdinov A.Yu. Organy nacional'noj avtonomii tyurko-tatar Vnutrennej Rossii i Sibiri v 1917–1918 gg. – Vologda, 2001. – 61 s.
8. Usmanova D.M. Deputaty ot Kazanskoj gubernii v Gosudarstvennoj dume Rossii. 1906–1917. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. – 494 s.
9. CGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2674. L. 5.
10. Sbornik zakonov o musul'manskom duhovenstve v Tavricheskom i Orenburgskom okrugah i o magometanskih uchebnyh zavedeniyah. – Kazan': Tip. Imp. un-ta, 1902. – 53 s.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – 2-e izd. – SPb., 1830–1885. T. XLIX. Otd. 2. St. 54061.
12. CGA RK. F. 25. Op. 1. D. 736. L. 3 ob.
13. Sultangalieva G.S. «Tatarskaya» diaspora v konfessional'nyh svyazyah kazahskoj stepi (HVIII–HIH vv.) // *Vestnik Evrazii*. 2000. № 4. – S. 20–36.
14. CGA RK. F. 64. Op. 1. D. 3475. L. 42.